

нии композиции, неразрывном переплетении и взаимопроникновении прошлого и настоящего. С начала 1990-х творческая манера К. претерпевает изменения — сперва в сторону изощренных постмодернистских конструкций («**Знаки отличия**», СПб., 1995), а затем в направлении альтернативного реализма и освоения формы «имперского романа» (Князев С. Имперское начало лит-ры // Книжное обозрение. 2001. № 23–24. 4 июня. С. 26). Увлечшись в 1996–97 изучением карело-финского эпоса, К. переложил в форме эпического романа корпус рун «Калевалы», собранный Э. Лённротом (**Рунопевец**. М., 1997). Вплоть до настоящего времени это переложение является наиболее полным, оно возвращает нам древний эпос как современное, глубокое и прекрасное чтение» (Звягин Е. Возвращенная «Калевала» // Питерbook плюс. 1998. № 7).

После выхода романа «**Укус ангела**» (2000) к К. пришла всероссийская известность и за автором закрепилась репутация «имперца». Критики определяли жанр то как «интеллектуальное фэнтези», то как «антиутопию», то как «альтернативную историю», то как «неомифологизм». Характерная оппозиция оценок выглядела так: «Петербургский литератор Крусанов написал мощнейший роман XXI века» (Данилкин Л. // Афиша. 2000. № 11(31)); «Павел Крусанов и его книга „Укус ангела“ — первая проба ценителей имперских сапог в области изящной словесности» (Ольшанский Д. // Новая русская книга. 2000. № 4–5. С. 16).

Следующий роман К. «**Бом-бом**» (2002) описывает историю старинного дворянского рода Норушкиных, который издавна самим провидением поставлен охранять подземную «чертову башню» с мистическим «гневиловом» — орудием пробуждения русского бунта.

В разные годы К. работал над составлением сборников и альманахов «Семь верст до небес» (Л., 1990), «Русский разъезд» (СПб., 1993), «Е» (СПб., 1996), «Митьки. Выбранное» (СПб., 1999), «Незримая империя» (СПб., 2004). К. — финалист премий «Северная Пальмира» за сб. рассказов «**Знаки отличия**» (1996), АБС-премии за роман «Укус ангела» (2001), «Национальный бестселлер» за роман «Бом-бом» (2003). Лауреат премии года ж. «Октябрь» за роман «Укус ангела» (1999).

Соч.: Где венку не лечь: роман. М., 1990; Одна танцюю: Роман, рассказы. СПб., 1992; Знаки отличия:

рассказы. СПб., 1995; Рунопевец. М., 1997; Отковать траву: Рассказы, повесть. СПб., 1999; Укус ангела: роман. СПб., 2000; Бессмертник: Рассказы, повесть. СПб., 2000; Ночь внутри: роман. СПб., 2001; Бом-бом: роман. СПб., 2002; Другой ветер: Рассказы, повесть. СПб., 2002; Действующая модель ада: Очерки о терроризме и террористах. СПб., 2004; Калевала. СПб., 2004; Американская дырка: роман. СПб., 2005.

Лит.: Чернышев Д. Ангел нажимает кнопку «play» // Питерbook плюс. 1999. № 11; Шуляк С. Общая теория русского поля // Лит. газ. 2000. № 38; Данилкин Л. Русские челюсти // Афиша. 2000. № 11; Топоров В. Серапионы приходят с Северо-Запада // Лит. газ. 2000. № 48; Мирзаев А. Белое перо // Питерbook. 2000. № 8; Клевх И. «Стрекозиные песни» Крусанова // Знамя. 2001. № 4; Славникова О. Экспансия. Опыт обозрения актуальной книжной серии // Новый мир. 2001. № 6; Козлов Е. Неомифологизм в петербургской прозе девяностых // Звезда. 2001. № 11; Сараскина Л. Активисты хаоса в режиме action // Лит. газ. 2002. № 8; Пригодич В. Первый роман Империи, или Талант не подделается // Лондонский курьер. 2002. № 165; Топоров В. Заснул пьяным, а проснулся знаменитым // Известия. 2002. 20 апр.; Канис В. Хранители // Питерbook. 2002, № 9; Волков М. Павел Крусанов: Бом-бом // Новая русская книга. 2002. № 2; Кириллов И. Правый вальс. О прозе Павла Крусанова // День лит-ры. 2002. № 6; Кукулин И. Башней вниз // НГ Ex libris. 2002. 6 июня; Винников В. Герой, император, царь... // День лит-ры. 2003. № 1.

П. К. Васильев

КРУТИЛИН Сергей Андреевич [2.10.1921, с. Делехово Рязанской губ.— 28.2.1985, Москва] — прозаик, очеркист.

Родители — крестьяне. После учебы в школе-десятилетке оканчивает строительный техникум (1940) и едет на Дальний Восток, где работает прорабом на стройках. Затем поступает на службу в армию, учится в офицерском училище, с первых дней Великой Отечественной войны на фронте. После тяжелого ранения в 1942 и демобилизации поступает на филол. ф-т МГУ, по окончании которого (1947) занимается напряженной журналистской работой. Будучи корреспондентом «Смены» и «Лит. газ.», К. много ездит по стране, пишет очерки и рассказы, поначалу фокусируя внимание на жизни заводских рабочих.

Однако к началу 1950-х в журналистской практике К. доминирующей становится тема, составившая основу последующего творчества писателя, — тема судеб русской деревни. Результатом качественно новой переработки журналистского опыта К.

С. А. Крутилин

является выход в 1953 его первого худож. произведения — повести «Родники» (Октябрь. 1953. № 8, 9). Здесь К. поднимает проблему, ставшую сквозной тематической составляющей мн. др. его произведений, — конфликтные взаимоотношения несостоятельного руководителя колхоза со своими подчиненными и с молодыми новаторами, пытающимися вносить позитивные коррективы в его деятельность. Повесть была встречена критикой достаточно прохладно. З. Кедрина, сравнивая К. с дебютировавшим тогда же В. Тендряковым, отмечает, что в отличие от последнего К. «все время как бы не договаривает чего-то, словно поверяя свое произведение не жизнью, а произведениями других писателей» (Кедрина З.— С. 3). Тем не менее в «Родниках» виден предмет глубинного худож. интереса К., прослеживающийся в большинстве последующих его произведений, — психологический анализ тех моментов, когда положительный по сути герой обнаруживает не столько социальную, сколько общечеловеческую несостоятельность, а также анализ переломных моментов в жизни героя.

В последующее десятилетие К. занял, наряду с Ф. Абрамовым, В. Липатовым и В. Крупиным, место одного из ведущих писателей-«деревенщиков». Прошлому и настоящему г. Кирова (Вятки) и области посвящен цикл очерков К. «Город на Вятке-реке» (1959), деревенской жизни — сб. «За поворотом» (1961). Тогда же выходит и первый

роман К. «Подснежники» (1961), посвященный молодежи, осваивающей новые земли Казахстана. Эти произведения К. были одобрительно встречены как критикой, так и читателями. Однако главной книгой писателя стал роман «Липяги», имеющий подзаголовок «Из записок сельского учителя» (первоначальный вариант: Дружба народов. 1963. № 2, 3; 1964. № 4, 5; в переработанном виде: Кн. 1–2 — 1964; Кн. 3 — 1966), где К. удалось с высокой степенью худож. убедительности создать панораму полувекового периода жизни старинного русского села Липяги, расположенного неподалеку от Куликова поля, а также показать русское крестьянство в его социально-историческом и духовно-онтологическом аспектах. Жанровая форма романа — записки — роднит произведение, с одной стороны, с древнерусской летописной традицией, с другой — с более близкими лит. аналогами: особенно повлияло на К. прочтение «Истории села Горюхина» Пушкина (Осетров Е. Проза Сергея Крутилина. М., 1981. С. 5). Выбор формы повествования обусловил и образ рассказчика — сельского учителя физики — во мн. автобиографический, но во мн. и вымышленный автором. Позиция именно такого рассказчика мотивировала то, что в романе «во взглядах на людей нет ничего от высокомерия приехавшего на село „изучать жизнь“». Свой пишет о своих» (Осетров Е. Страницы народной жизни. С. 667).

С особенностями повествования в «Липягах» прочно связано и своеобразие худож. хронотопа и времени произведения. «История России живет и дышит здесь, неразделимо сливаясь с историей русского села» (Сурганов Вс.— С. 207). Е. Осетров замечает, что «форма записок дала автору возможность не только показать читателю, что события, происходящие сегодня, берут свое начало в далеком прошлом, но и поразмышлять о путях в будущее» (Осетров Е. Страницы народной жизни. С. 674). Средствами построения особого худож. времени в романе становятся воспоминания рассказчика и др. персонажей, новеллы-притчи, а также такие хронотопические символы, как дуб, дорога и др. Этим обусловлено и отсутствие единой фабулы, и разомкнутость композиции, где каждая глава достаточно автономна. Отмеченные особенности сближают «Липяги» с повестью Г. Троепольского «В камышах» и с «Последним поклоном» В. Астафьева: «во всех этих произведениях видно желание писателей показать современную деревню во всем многообразии ее бытия...» (Сурганов Вс.— С. 207).

Создание галереи самобытных мужских и женских образов русских крестьян, искусное введение различных оттенков смешного, оправданное использование народно-разговорных языковых пластов — все эти худож. достоинства романа «Липяги», несмотря на его однозначную идеологическую окраску, позволяют причислить произведение к лучшим образцам советской деревенской прозы. В 1967 за роман «Липяги» К. удостоен Гос. премии РСФСР им. М. Горького.

Однако, по признанию самого К., он не считал себя деревенским писателем: «...я не мог полностью замкнуться в одной, пусть и великой теме» (Осетров Е. Проза Сергея Крутилина. М., 1974. С. 8). Подтверждением этих слов оказывается появление в конце 1950-х и в 1970-х военных и так называемых бытовых повестей К. Осмыслению и исследованию подвига народного в Великой Отечественной войне посвящены повести «Лейтенант Артюхов» (Москва. 1968. № 10), «Кресты» (Москва. 1975. № 7–8) и «Окружение» (Наш современник. 1976. № 12), которые, будучи связанными сюжетно, чуть позже объединяются К. в роман-трилогию «Апраксин бор» (1978). В произведениях худож. преломляется собственный военный опыт автора. В первой из этих повестей К. выбирает неожиданный и новый для фронтовой повести ракурс: герой лишь едет на войну, постигая ее в полной грозных предзнаменований дороге. «Крутилину важно проследить, как, еще не вступая в бой, Артюхов и его товарищи из вчерашних наивных мальчишек становятся солдатами» (Сурганов Вс.— С. 211). В двух следующих частях трилогии война предстает во всем своем кровавом обличье — на различных уровнях структуры своих военных повестей К. утверждает принцип «война — труд», а в разработке идеи о том, что настоящий героизм чуждается всего показного, К., несомненно, следует за Л. Толстым.

В ряде повестей, вошедших в сб. «Мастерская» (1981), К., изображая героя в пространстве совр. города, продолжает худож. анализ отношения конкретных людей к таким общечеловеческим ценностям, как природа, труд, долг, любовь. Вносит писатель свою лепту и в размышления о месте художника в новом обществе, о психологии творчества, о том, что достойно и что недостойно искусства (повесть «Мастерская в глухом переулке»).

Тем не менее на протяжении всего своего творческого пути К. не оставляет деревенскую тему, над ней работает он и в последние годы жизни. Так, в романе «Грехи наши

тяжкие» (1982) К. на качественно новом уровне возвращается к проблемам своего первого худож. опыта, пытается вскрыть причины нарушенного равновесия между городом и деревней. Будущее русской деревни, согласно К., возможно только при улучшении условий жизни сельских тружеников, а в воплощении такой задачи важны психологические особенности личности руководителя — его способность понять нужды подчиненных. Подробному рассмотрению этих вопросов и посвящен роман «Грехи наши тяжкие», пронизанный заботой о завтрашнем дне села.

Произведения К. переведены на яз. республик бывшего СССР, а также на испанский, польский и др. иностр. яз.

Соч.: СС: в 3 т. М., 1984; Город на Вятке-реке. М., 1959; За поворотом. М., 1961; Подснежники. М., 1961; Липяги. Из записок сельского учителя. Кн. 1–2. М., 1964 (Роман-газ.); Кн. 3. М., 1966; Апраксин бор: роман: в 3 кн. М., 1978; Мастерская: повести. М., 1981; Грехи наши тяжкие: роман. М., 1982.

Лит.: Кедрина З. Первая повесть // Лит. газ. 1953. 3 дек. С. 3; Осетров Е. Страницы народной жизни // Липяги. Из записок сельского учителя. М., 1967. С. 663–676; Марченко В. ...Плюс вся жизнь // Наш современник. 1971. № 5. С. 124–126; Сурганов Вс. Устремленность таланта. Сергей Крутилин, лит. портрет // Москва. 1971. № 10. С. 207–212; Осетров Е. Проза Сергея Крутилина // Ракиты. М., 1974; Козлов И. Далекое близкое // Лит. Россия. 1979. 12 мая. С. 15; Осетров Е. Проза Сергея Крутилина // Мастерская. М., 1981; Ломунова М. Земля и люди // Лит. Россия. 1982. 1 окт. С. 14.

В. В. Иванцов

КРУЧЁНЫХ Алексей Елисеевич (псевдоним Александр Кручёных) [9(21).2.1886, пос. Оливское (по др. данным — дер. Олевка) Вавиловской волости Херсонской губ.— 17.6.1968, Москва] — поэт, критик, теоретик футуризма, издатель.

Родился в крестьянской семье, отец — выходец из Сибири, мать — полька. С 1894 жил в Херсоне, окончил Одесское худож. училище (1906) с дипломом учителя графического искусства. В Одессе К. познакомился с Д. Д. Бурлюком, а осенью 1907 переехал в Москву и вскоре начал печататься в одесских газ. (статьи о кубизме в живописи). Первая из ныне известных публикаций худож. произведений — рассказ «Кровавые люди», в котором К. цитирует собственные стихи (газ. «Родной край». Херсон. 1909. 13–24 нояб.; подпись А. Горелин). В февр. 1912 Бурлюк познакомил К. с В. В. Маяков-